

Кролик также присутствовал на ней. Участники спора пришли к выводу, что мнение Декарта, будто животные не имеют чувства и памяти, будучи лишены души, «есть некрепкое». Они ссылаются при этом на «повседневные эксперименты», противоречащие «сентенции картезианов». Откуда же у животных чувства? Рассуждая «о существе духа», они решают, что душа — это не чувства и мышление, а «нечто особливейшее», значит, «неякий вид дебелого и весьма скудного помышления животным причесть можно». Каково же это мышление, они не берутся рассуждать, так как «от неизвестной вещи известную утверждать невозможно, разве вопреки».³²

Конечно, сам автор дневника во время пребывания в Петербурге и в Москве тоже был членом кружка Феофана. Маркович — его любимый ученик, с которым он долгое время переписывался, очень образованный человек, которому Феофан советовал заниматься философией и писать трактаты; и действительно, в дневнике упоминаются не только книги философов и выписки из них, но и «рассуждение богословское на безбожие», которое он писал вместе с другом.

«Приятелем» Марковича, Феофана, Кантемира и Кролика был и Петр Апостол, также человек с широкими интересами, знавший несколько языков, свой человек в доме Меншикова, но после падения последнего оставшийся в милости у Петра II. Обладая гораздо более светскими интересами, чем Маркович, Апостол мог быть как бы связующим звеном между разными группировками в «ученой дружине»: кругом философов и литераторов.

Различными исследователями были предложены в качестве членов «ученой дружины» и другие лица. Д. Д. Благой включает в их число Тредиаковского, «почти сразу же по возвращении из чужих краев примкнувшего к кружку Феофана».³³ Его восторженное отношение к сатирам Кантемира и столкновение из-за этого с реакционным духовенством освещено в литературе. П. Н. Берков называет среди позднейших участников «ученой дружины» Вольнского и Хрущева.³⁴ К этой, политической группе можно отнести также и князя А. М. Черкасского. На это указывают не только близкие связи его с Кантемиром или то, что ученики феофановской школы обращались после смерти своего наставника именно к Черкасскому с просьбой помочь им поступить в Академию наук, но и указание

³² Дневник генерального подскарбия Якова Марковича. Под ред. А. М. Лазаревского. Ч. I—II (1718—1729). Киев, 1895, стр. 264—265.

³³ Д. Д. Благой. Закономерности становления новой русской литературы. IV международный съезд славистов. Доклады АН СССР, М., 1958, стр. 23.

³⁴ П. Н. Берков. Феофан Прокопович. В кн.: *Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков* (Библиотека поэта. Малая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 168.